

Л.К. Ильинский

**Перевод "Слова о полку
Игореве" по рукописи XVIII
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.К. Ильинский**
Перевод "Слова о полку Игореве" по рукописи XVIII века / Л.К. Ильинский –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 86 с.

ISBN 978-5-458-06418-7

ISBN 978-5-458-06418-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

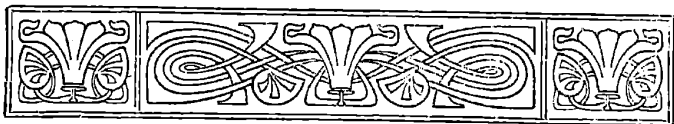
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

С самого момента открытия Словом о полку Игоревѣ заинтересовались, тем более что это открытие совпало с тем увлечением народностью и стариной, какое замечается особенно в последнюю четверть XVIII века.

С момента открытия начинаются работы над „Словом“, но что это была за работа, насколько широко было распространено „Слово“ среди современников его открытия, мы, в сущности, не знаем. История разработки памятника может быть прослежена подробно, но эта подробность, полная, так сказать, биографическая канва начинается несколько позднее, — именно, после печального факта утраты самого оригинала.

Особенно же интересная эпоха работы над памятником, — время с 1795 по 1800, т. е. с момента первого о нем известия до первого издания представляет одну из темных страниц биографии „Слова“.

Несомненно, в это время шла работа над памятником. Гр. Мусия-Пушкин впоследствии на вопрос К. Калайдовича отвечал, что „Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и преложеніемъ оныя пѣсни на нынѣшній“. (Сын Отеч. 1839 г., т. VIII. Смесь. Стр. 16). В предисловии к первому изданию „Слова“ мы читаем: „Подлинная рукопись по своему почерку весьма древняя, принадлежитъ издателю сего, который чрезъ старанія свои и призывы къ знающимъ достаточно Россійскій языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ приложенный переводъ до желанной ясности“ (Стр. VII—VIII). Это отчасти подтверждается благодаря находки акад. П. Пекарскимъ списка „Слова“ и его перевода в бумагах Имп. Екатерины (Списокъ изданъ трижды: Пекарскимъ в 1863 г. с переводом, Симони в 1890 г. и Пыпинымъ с переводомъ в 1906 году). Перевод „Слова“, найденный в бумагах Имп. Екатерины, действительно, подтверждаетъ слова Мусина-Пушкина. Этотъ перевод, несомненно, является предварительной работой надъ „преложеніемъ“ Слова:

он менее литературен, менее, так сказать, отделан, нежели перевод первого издания. Стоит, напр., вспомнить начало того и другого перевода, чтобы убедиться в этом:

Перевод Имп. Екатерины.

Какъ прилично намъ, братцы,
представить древнимъ слогами
жалостную пѣсню о сраженіи

Игоря Святославича?

Мы составимъ оную изъ самыхъ
дѣвнѣй тогдашняго времени, не
употребляя вымысловъ Бояновыхъ.
Ибо Боянъ стихотворецъ когда хотѣлъ
воспѣть кому похвалу, то
мысль его летала тогда по древамъ,
онъ бѣгалъ; какъ сѣрый волкъ по землѣ,
и поднимался яко орелъ подъ облаки.
Мы помнимъ, что въ древности
когда хотѣли какое сраженіе описать,
то изображали оное пускаемъ де-
сяти соколовъ на стадо лебедей:
и такъ, который изъ нихъ скорѣе
долеталъ, тотъ прежде и записывалъ
въ честь, или стараго Ярослава,
или храброго Мстислава, который
убилъ Рюдю предъ полями
Косоженинъ, или въ честь краснаго

Романа Святославича.

Боянъ же братцы не десяти
соколовъ на стадо лебедей пускалъ,
но своими стихотворческими
перстами по живымъ струнамъ
ударялъ, а они уже сами
славу князей возвышали.

(По Печарскому—стр. 21—22;
по Пиняну—стр. 437).

Перевод 1 издания.

Приятно намъ, братцы, начать
древнимъ слогами прискорбную
повѣсть о походѣ Игоря, сына
Святослава!

Начать же сію пѣснь по бытіямъ
сего времени, а не по вымысламъ
Бояновымъ.

Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ
прославить кого, то носилъ мѣ-
лю по деревьямъ,
сѣрымъ волкомъ по землѣ,
сирымъ орломъ подъ облаками.
Памятно намъ по древнимъ пре-
даньямъ, что повѣдая о какомъ
либо сраженіи примѣняли оное
къ десяти соколамъ:
чей соколъ скорѣе долеталъ,
тому прежде и пѣснь начиналась
либо старому Ярославу,
либо храброму Мстиславу, по-
разившему Рюдю предъ полями
Косоженинъ, либо красному
Роману Святославичу.

А Боянъ, братцы! не 10
соколовъ на стадо лебедей пускалъ:
но какъ скоро прикасался искус-
ными своими перстами къ живымъ
струнамъ, то сію уже самъ
славу князей гласилъ.

(стр. 1—4).

Чувствуется в самом построении речи второго перевода стремление достигнуть „до желанной ясности“. Здесь нет ни „жалостной пѣсни“, ни выражений: „мы составимъ оную изъ самыхъ дѣвнѣй“, или „мы помнимъ, что въ древности когда хотѣли какое сраженіе описать“. Нетъ здесь и такихъ словъ, какъ „по древамъ“, „яко орелъ“ и т. д. Все это уже стерлось при дальнейшей работѣ.

Если мы посмотримъ на переводъ, сделанный для Имп. Екатерины с другой стороны, то увидимъ и еще одну характерную особенность работы переводчика.

Перевод Имп. Екатерины ближе к подлиннику, чемъ перевод первого издания. Напр.,

Текст „Слова“.

всплескала лебединными
крылами на синемъ морѣ у
Дона плещущи
Сямони. 99—100—201.

Перевод Екатер.

(по изд. Печарскаго).

всплескала лебединны
крылами на синемъ морѣ у
Дона плещущи

Перевод 1 издания.

всплескала крылами ле-
бединными, на синемъ морѣ
у Дона купаются.

но Руской земли про стро-
шася Половцы, аки пардуже
гнѣдо, и въ морѣ погру-
зиста,

Симони. 41—273—275.

Ты бо можеша по суху
шерешыри стрѣлати Уда-
лыми сыны Глѣбовы

Симони. 42—316—318.

връже всеславъ жребій
о дѣвицѣ себѣ люба. Тѣ
кляками подяръ ся о кони,
и спочи къ граду киеву,
и дочеса стружіемъ злата
стола Кіевскаго.

Симони. 43—385—389.

по русской землѣ разсѣ-
лись половцы, аки изъ
гнѣзда Шардова. Они по-
грузили русскихъ въ море

Ты можешъ по суху
шерешыри стрѣлати посо-
біемъ удалыхъ сыновъ Глѣ-
бовыхъ

. . . жребій о дѣвицѣ,
которая ему была люба.
Онъ подпершися кляками
о коней, спочилъ къ граду
Кіеву, доткнулся стружіемъ
до златаго престола Кіев-
скаго.

распылились Половцы на
русской землѣ, какъ гео-
парды изъ логовища выху-
шіе, погрузили въ безднѣ
силу русскую.

ты можешъ на сухомъ пу-
ти живыми шерешырами
стрѣлать чрезъ удалыхъ
сыновъ Глѣбовыхъ

. . . жребій о милой ему
дѣвицѣ. Онъ подпершися
кляками сѣлъ на коней,
поскакалъ къ городу Кіеву
и коснулся древкомъ копы
своего до золотого престола
Кіевскаго.

Не всегда, конечно, этот ранее сделанный перевод был удачен, но он часто сохранял и расположение слов, их сочетание, стремился сохранить и самые слова, редко прибавлял новые слова—и т. д.—т. е. был, несомненно, ближе к подлиннику, чем перевод 1-го издания.

В последнем мы наблюдаем то, что сказано в предисловии другого перевода: „въ переводѣ же семь не сохранено (ни) оригинальности древнаго.... діалекта“ (Рукоп. л. I). В нем мы видим уже последний акт той работы, о которой впоследствии писал и сам Мусин-Пушкин: „не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковь, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и выпедшихъ изъ употребленія.... что крайне затрудняло, и хотя все уже было разобрано, но я не былъ предложениемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался“ (Сын Отеч. 1839 г. т. VIII. Смесь, стр. 16).

Пока шла эта кабинетная работа гр. Мусина-Пушкина над „Словомъ“, самый памятник уже сделался известным. Нам неизвестно, были ли распространены списки его, ибо мы пока имеем только Екатерининский список, но переводы „Слова“ были распространены.

Исследователь „Слова“ Е. В. Барсов нарисовал такую картину распространенности в то время памятника: в Москве... „восхищались драгоценною пѣснью Игоря, какъ роднымъ произведеніемъ древне-русскаго гения, списывали и переписывали есъ разными, хотя и неисправными переводами“ (Барсов, стр. 32).

И сам Мусин-Пушкин поведал нам о том же: „По переводѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ у А. Ѳ. Малиновскаго, къ удивленію моему, переводъ мой въ неисправной перепискѣ (Сын Отеч. 1839 г., т. VIII. Смесь, стр. 16). Это и побудило его скорее напечатать свою работу над „Словомъ“.

Теперь мы имеем и еще одно свидетельство распространности переводов и даже, пожалуй, можно установить, каким образом эта кабинетная работа Мусина-Пушкина стала достоянием общества. В опубликовываемой рукописи перевода „Слова“,— рукописи XVIII века, мы находим следующее место: „въ разсужденіи сего и хотѣлось мнѣ очистить его (переводъ) отъ всехъ пустековъ, здѣлать пріятнымъ для чтенія и въ примечаніяхъ объяснить обстоятельства историческія; но оригиналъ затерялся у Николая Михайловича, а у меня такъ же былъ списокъ перевода нѣсколько уже выправленной, не помню, кому то я даль его прочесть, и назадъ не получилъ“ (Рук. л. I).

Таким образом общая тенденция списанного произведения (как и книги) затериваться и не возвращаться к владельцу помогла распространению переводов „Слова“ среди любителей литературы того времени.

Но если пока может считаться утраченным затерявшийся у Николая Михайловича (несомненно Карамзина) список перевода, то не возвратившийся к владельцу список сделал свое дело. Он распростирил „Слово“ в переводе, чему впоследствии пришлось удивиться даже и Мусину-Пушкину.

Я имею опубликовать в настоящее время один из этих списков. Кто был автором перевода „Слова“ в имеющейся у меня рукописи, сказать трудно. Мы нигде не найдем для этого ничего достоверного. Некоторые данные, чисто фактического характера, будут ясны из дальнейшего.

Неизвестно также, кто был владельцем этой рукописи. Рукопись написана писарским почерком, напоминающим почерк и Екатерининской рукописи. Несомненно одно, что это был человек знакомый с Карамзиным,—он упоминается в предисловии, как было выше приведено. Несомненно, он был любитель литературы и отечественных древностей, как можно судить по примечанию на л.л. 3 и 4, где он прямо говорит: „я какъ любитель отечественныхъ древностей“ (л. 3), какъ можно судить и по самому этому примечанию, его содержанию, где он развивает мысль о ходе литературы в России и дает общий очерк литературного развития Ломоносова. Можно еще прибавить сюда и его отношение к „Слову“, его взгляд на него, когда он говорит, что „но столько встрѣчается въ ней Малороссійскихъ названій, что незнающему Польскаго языка трудно и понимать“ (л. I),—взгляд несколько, может быть, напоминающий развитый впоследствии взгляд К. Калайдовича.

Но и только. Мало, пожалуй, скажет для выяснения этого и та обстановка, которая окружала рукопись.

Рукопись найдена в домашнем архиве кн. Белосельских-Белозерских. Предоставлена мне Александром Сергеевичем Поляковым, секретарем „Русского Библиофила“, куда рукопись, вместе с другими, и поступила.

Среди этих рукописей мы находим исторические сведения о Строганове, оду на тему „Уединение“,—тему, столь распространенную в конце XVIII века, разговор о смерти и жизни,—тоже обычный для того времени. Есть и произведение „Вѣтій“ с эпитафией „Non surrexit major“. Последнее произведение — ода полусторического, полупоэтического характера.

Если все эти тетради сохранились вместе, то возможно, что они издавна были достоянием одного лица,—любителя литературы и отечественных древностей, как он себя рекомендует и в предисловии и в примечании к „Слову“.

Принадлежали все эти рукописи не безызвестному в летописях XVIII в. кн. Александру Михайловичу Белосельскому,—образованному человеку, известному в литературе полусторической театральной пьесой—„Олинька или первоначальная любовь“ (1796 г.). Сведений о нем мы знаем мало. Только недавно опубликованный В. Верещагиным „Альбомъ кн. А. М. Белосельскаго“ (Рус. Библиофил, 1916 г., т. I) несколько вскрывает эту любопытную личность. Но все эти рукописи, все сведения—для нашей рукописи не дают ничего существенного. Они только лишь вскрывают ту обстановку, среди которой находилась рукопись. Дальше этого их роль нейдет. Могут они дать некоторый материал и для догадок, но эти догадки слишком гипотетичны.

В России безызвестно Белосельский жил с 1793 года. Как человек образованный, все время за границей живший в центре умственной жизни, он не мог, конечно, быть вне этой жизни и в России. Будучи поэтом и знатоком искусства, не мог он проходить мимо крупных явлений русской литературной жизни. Не мог он не заинтересоваться и открытием „Слова о полку Игоревѣ“, которым в то время интересовались многие. Знакомство же и отношения к Карамзину могли, конечно, этот интерес в „Слову“ усилить. Собственные же его упражнения в русском языке, что впоследствии послужило поводом к избранию его в Академию, о чем также говорят и некоторые рукописи (среди рукописей есть и словарная работа), могут дать материал для некоторых комментариев к предисловию рукописи перевода „Слова“, где мы читаем:

„Сія поема писана въ исходѣ XII вѣка на славенорускомъ языкѣ, но столько встречается въ ней Малороссійскихъ названій, что незнающему Польскаго языка трудно и повимать... то въ

разсужденіи сего и хотѣлось мне очистить его..., здѣлать пріятнымъ для чтенія...“ и т. д.

Для этого предисловія данных ни в сведениях о Мусине-Пушкине, ни о первых переводчиках мы не найдем.

II.

Рукопись представляет собою тетрадку в семь листов. Сшиты они по три листа, содержащих самый текст „Слова“. К этим шести листам вначале подшит еще один лист, заключающий общий заголовок: „Песнь Полку Игореву Игоря сына Святослава внука Ольгова“, предисловіе владельца и „Историческое содержаніе сей поэмы“. Листы — формата писчей бумаги, с красным обрезом по краям. На обресе еще видны следы золота. Следов, что эта тетрадка была в переплете — нет. Листы нумерованы.

Бумага, на которой написан перевод — очень распространенная в XVIII веке, с водяными знаками. На одной половине листа: за низкой крепостной стеной сидит рыцарь, в шлеме и в латах. В руках у рыцаря палица. Пред ним — лев в короне. В одной лапе льва — поднятый меч, в другой — пук свитков. Вверху над львом надпись: „Pro Patria“. Внизу под крепостной стеной буква „В“. На другой половине листа: „D & C. Wauw“ (Ср. Симона. П. К. Текст „Слова о полку Игоревѣ“ Древности. Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIII, вып. II. Москва 1890 г. Стр. 19).

Написана рукопись аккуратным писарским почерком, очень четко. Очень аккуратно сделана и разграфка в две линии — жирную и тонкую — для разграничения отделов работы и примечаний от самого текста.

По своему виду рукопись производит впечатление белой. Поправок в ней найдем очень мало и сделаны они очень аккуратно. На листе 11 и обор. можно заметить подчистку в трех местах: по подчищенному написаны слова на л. 11, — строка 3-я (сверху): „отстали“: на л. 11 обор. стр. 2 (сверху): „города“ и стр. 10 (сверху) „была“. Большие пропуски текста, допущенные при переписке, восстанавливаются в сносках внизу листа. (На л. 5 обор. — 2 строчки; 6 обор. — 1 строчка; 9 обор. — 1 строчка), но отдельные пропущенные слова надписываются над строчкой (л. 8 — „веселіе“; л. 10 обор — „славу“). Есть выноски на полях, являющиеся редакционными поправками к переводу (л. 3-й, л. 10, л. 11, л. 12 обор., л. 13).

Л. I (Заголовок): „Песнь Полку Игореву Игоря сына Святослава внука Ольгова“.

(Предисловіе): „Сія поэма писана . . . “ и т. д.

„Историческое содержаніе сей поемы“.

Историческое содержаніе занимает л. 1, л. 1 обор. и л. 2-й (л. 2-й обор. — чистый). Оно представляет собою сокращенное „Историческое содержаніе“, помещенное в изд. „Слова“ гр. Мушкова-Пушкина.

Сходство того и другого доходит до того, что напечатанные курсивом в изд. слова: „стыдъ ему тягчаѣ смерти“, в рукописи подчеркнуты. Но в рукописи из предисловія к изданію мы не найдем двух тирад:—литературной характеристики „Слова“ и сведений о найденной рукописи и о работе над ней¹⁾.

Есть и добавленія, сравнительно с изданіем.—Так здѣсь мы найдем указаніе на сумму, которую требовали половцы за выкуп Игоря (л. 2-й), что в изданіи помещено в примечаніях к самому тексту (прим. III, стр. 18), но в более обширном видѣ и с ссылкой на источник.

То предисловіе, какое мы находим при спискѣ Имп. Екатерины, имеет мало общаго с „Историч. содержаніемъ“ рукописи.

Для характеристики взаимоотношенія „Предисловія“ приведу выдержку из текста всех трех переводов:

Искл. 1 рукописи.	Стр. III—IV изд. Мус.-Пушкина.	Стр. 20 текст Екатерины.
Историческое содержаніе сей поемы.	Удѣльный князь Новгорода-Северскаго Игорь Святославичъ, не удѣлавъ сношенія съ старѣйшимъ Великимъ Княземъ Киевскимъ, рѣшился въ 1185 году отмстить самъ собою Половцамъ за раззореніе подвластныхъ	Въ семь словъ, на подобіе героина поэмъ, описывается княземъ Игоря и Всеволода Святославичемъ, удѣей князя Новгородско-Северскаго Святослава Ольговича, сына Олега Святославича Тмутараканскаго, походъ на Половцевъ и бывшее съ ними въ 1186 году кровопролитное сраженіе при рѣкѣ Калкѣ близъ Дону. Князь Игорь, завидуя славѣ Князя Святослава Всеволодовича, который за два года предъ тѣмъ одержалъ славную надъ Половцами побѣду, вздумалъ также испытать своего счастья надъ ними.
ему владеній и присовокупивъ к войскамъ своимъ войска меньшаго брата своего всеволода и другихъ князей, которые съ нимъ дружно жили выступилъ съ ними въ походъ.	ему владѣній и приобрѣсть себѣ чрезъ то славу. Къ сему напущенію уговорилъ онъ родного брата своего Трубчевскаго Князя Всеволода, племянника своего Рязскаго князя Святослава Ольговича, и сына своего Князя Владимира, имѣвшаго удѣлъ свой въ Путивлѣ; и съ сямъ немногочисленнымъ, но храбрымъ войскомъ, выступилъ въ походъ противъ обидившихъ его.	И хотя имѣлъ при себѣ войско немногочисленное, но надѣясь, что половецъ, потерпѣвъ предъ нечаяннымъ

¹⁾ Характерно, что о плаче Ярославны в Истор. содержаніи при рукописи не упоминается. В изданіи приводится содержаніе (краткое) плача, в спискѣ Екатерины же приводится содержаніе — близкое по тексту к изданію, но Ярославна названа сестрою Игоря.

Когда пришелъ онъ 1-го мая на донецъ и располагалъ тамъ лагерь свой для ночлегу на берегу, то случилось такое необыкновенное затмение солнца, что днемъ звезды оказались. Суевѣры всячески отговаривали Игорю идти далѣе; но онъ не послушалъ ихъ и отиѣчалъ на сіе: что трусы только боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что *стыдъ ему тягачъ смерти* ¹⁾.

Мая 1-го, когда пришелъ онъ на Донецъ и располагалъ на берегу лагерь свой, сдѣлалось такое необыкновенное затмѣніе солнца, что днемъ звѣзды оказались. Суевѣры всячески убѣждали Князя Игоря оставить свое предпріятіе; онъ не послушался ихъ, и отиѣчалъ на то: что одни только трусы боятся чрезвычайностей, что онъ назадъ никакъ не возвратится, и что *стыдъ ему тягачъ смерти* ¹⁾.

временемъ великое поражение, не будучи в силѣхъ ему противиться, вступилъ въ походъ не объявля о томъ ни князю великому, ни прочимъ князьямъ.

При первомъ сраженіи одержали верхъ руссіане, и разбивъ половцевъ, захватили весь ихъ обозъ съ многимъ богатствомъ.

Половцы воспользовались раздробленіемъ руссіейскихъ полковъ, обсажали со всѣхъ сторонъ Игоря возобновили бой, на которомъ сей князь сперва былъ раненъ а потомъ и въ пленъ взятъ. Руссіе долго и послѣ бѣдѣхъ не принуждены были уступить превосходной силѣ; отдался Половцамъ въ плѣнъ болѣе 6000 человекъ и со всѣми князьями.

Половцы, получили себѣ подкрѣпленіе, тотчасъ *воспользовались раздробленіемъ Руссіейскихъ полковъ, обсажали со всѣхъ сторонъ Князя Игоря, и бѣдѣхъ безпрестанно два дни. Сей Князь былъ раненъ, а потомъ и въ плѣнъ взятъ со всѣми бывшими съ нимъ Князьями. Пять тысячъ оставался его войска равнохърдно принуждены были здатися превосходной силѣ непріятельской.* Половцами предводительствовали тогда Князья ихъ Кончакъ и Тзакъ. Сочинитель сравниваетъ сіе несчастное пораженіе (приведшее всю Россію въ униженіе) съ прежними побѣдами, надъ Половцами одержанными, припоминаетъ нѣкоторыя достопамятныя происшествія и славы дѣла многихъ Руссіейскихъ Князей. Отъ сей побѣды, говоритъ онъ, Половцы сдѣлались дерзновеннѣе и усугубили свои грабительства и разоренія повсюду. Великій князь Кіевъ

По вторѣхъ посѣѣ того Половцы, собравшись въ превосходнѣйшихъ силахъ, вступили вновь въ сраженіе, которое продолжалось два дня съ половиною. На ономъ побѣждены руссіане совершенно. Князья Игоря и Всеволодъ Святославичи, племянники ихъ Князь Святославъ Ольговичъ Рыдскій, смятъ Игоревъ Владиміръ Князь Путыревскій и нѣтъ тысячъ войска взяты въ плѣнъ и полученная прежде добыча отнята. Войскамъ Половцкими предводительствовали Князья ихъ Кончакъ и Тзакъ.

Сочинитель, сравнивая сіе несчастное сраженіе съ прежними, надъ Половцами одержанными побѣдами, вспоминаетъ по поводу сего славы дѣла нѣкоторыхъ Руссіейскихъ Князей, какъ то: (перечисленіе).

Стр. 21.

Такое руссіанъ пораженіе привело землю Руссіейскую въ великій страхъ и Половцы, пользуясь побѣ-

Игорь достался в добычу князю Кончаку которой требовалъ за него выкупу 2000 гривенъ серебра. Сума сія такъ велика была по тогдашнему времени, что супруга Игоревна Ефросинья Ярославна, какъ ни любила его, не въ состояніи была выкупить.—Онъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ отъ Половцевъ.—Какъ отъ пораженія Игоря распро-

¹⁾ В рукописи подчеркнута; в изд.—курсив.

странялась по всей русской землѣ печаль вѣдкая, такъ напротивъ того все обрадовалось навлеченію его, потому что за постоянство и тихость *общественно его любимы*. — Следующая за симъ пѣсня писана уже по возвращенію его въ Новгородъ-Северской.

скій Святославъ Всеволодовичъ весьма сѣтовалъ о наемникахъ своихъ Игорѣ и Всеволодѣ Святославичахъ, *общественно всеми любимыхъ*. Онъ въ горести своей жалуется на свою старость, препятствующую ему выручить ихъ изъ плѣны и называетъ ко всемъ современнымъ Князьямъ о вспоможеніи. Русскія жены оплакиваютъ смерть и плѣны мужей своихъ. Игорева супруга Княгиня Ефросиня (дочь Князя Ярослава Владимировича Галичскаго) оставилась въ Путьвлѣ, возносить жалобный гласъ свой то къ вѣтру, то къ солнцу, то къ рѣкѣ Днѣпру. Пѣсня сія оканчивается возвращеніемъ Князя Игоря въ свое отечество. Ибо по причинѣ сдѣланныхъ Половцами затрудненій въ выкупъ его, онъ *принужденъ былъ спастись оттуда бѣгствомъ*.

дою, разсыялся всюду, начали дѣлать разоренія.

Великій Князь скорбитъ крайне о несчастіи своихъ родственниковъ. Онъ въ горести признается на помощь брата своего Черниговскаго Князя Ярослава, Князей Юрия и Давида, Романа и Мстислава, храбрыхъ Ольговичей и Мстиславичей. Жены Русскія оплакиваютъ смерть мужей своихъ. Княгиня Ярослава, супруга младаго Владимира, Князя Путьвльскаго, въ печали своей приходитъ до отчаянія. Она, сидя на градской стѣнѣ, возноситъ жалостный гласъ свой то къ солнцу, то къ вѣтру, то къ рѣкѣ Днѣпру

.....
Заканчивается сія пѣсья возвращеніемъ Игоря въ свое отечество. Онъ изъ плѣны счастливо успѣлъ уйти въ общій подданныхъ и всего государства радости. Тщетно Гаакъ и Кончакъ старались его догнать.

л. 3—14.— „Пѣсья Полку Игореву“. Здесь помещен текст перевода.

Тех примечаній историческихъ, какіе мы находим у Мусина-Пушкина и в списке Екатерины, здесь нетъ. Примечанія здесь касаются—слова „Боянъ“ (л. 3, 3 обор., 4-й и 4 обор.), но содержание этого примечанія—чисто—историко-литературное, по началу даже с сатирическимъ оттенкомъ не имеетъ ничего общаго ни со спискомъ Имп. Екатерины, ни с изд. Мусина-Пушкина.

Кроме него находимъ краткое примечаніе на л. 5 обор.— „Гаакъ и Кончакъ князя Половецкаго“ и на л. 13 обор.—заметки о женитьбѣ кн. Владиміра на половчанкѣ, которая по крещеніи была названа „свободою“.

Этимъ ограничиваются все историческіе примечанія рукописи. Да и в предисловіи мы находимъ следующее: „и хотѣлось мнѣ . . . въ примѣчаніяхъ объяснить обстоятельства историческія“. (Рук., л. 1). Но это желаніе не осуществилось, что и подтверждается рукописью.

III.

Переводомъ „Слова о полку Игоревѣ“, „на нынѣшній діалектъ“ в периодъ появленія и обнародованія „Слова“ занимались многіе. Все пробовали свои силы над переводомъ.

И назову известных переводчиков конца XVIII и первой четверти XIX в. В это время „Слово“ переводили: гр. Мусин-Пушкин¹⁾, А. Ф. Малиновский²⁾, Н. М. Карамзин³⁾, А. С. Шипилов⁴⁾, В. А. Жуковский⁵⁾, А. С. Пушкин⁶⁾, прот. Павский⁷⁾, Тимковский, Н. Язвицкий⁸⁾, Я. Пожарский⁹⁾, Н. Граматин¹⁰⁾.

Я не разделяю данные переводы на прозаическое и поэтическое, ибо переводы В. Жуковского, А. Пушкина, Н. Язвицкого мельзя назвать вольными переложениями, — каковыми явились позднейшие переводы, даже лучшие, напр., А. Майкова. Указанные переводы очень близки к тексту памятника и только дают нам стихотворный размер перевода, удерживая часто строй речи, что считал необходимым А. Востоков¹¹⁾.

Для характеристики сопоставлю, напр., лучший из этих переводов (перевод Н. Язвицкого — со многими странными объяснениями слов, — напр. „вегвица“. Стр. 107, прим.).

Перевод по изд. Мус.-Пушкина.

Приятно намъ, братцы,
начать древнимъ слогомъ
прихоробрну повесть о походе
Игоря, сына Святослава!
Начать же сию повесть
но бытиимъ сего времени,
а не по вымысламъ Бонювымъ.
Ибо когда мудрый Воианъ
хотѣлъ прославить ного
то носилъ мыслию по деревьямъ,
сѣршии волкомъ по землѣ,

Перевод А. С. Пушкина.

Не прилично ли будетъ намъ, брати,
Начать древнимъ сжидомъ
Печальную повесть о битвахъ Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по вымысламъ Бонювымъ—
Вѣщій Воианъ
Если пѣснь ному сотворить хотѣлъ,
Растеклася мыслию по древу,
Сѣршии волкомъ по землѣ

¹⁾ Его участие в переводе очень туманное, судя по его признанию о том, что для работы над „Словомъ“ он пригласил других, и судя потому, что при корректуре издавая делать поправки он не имел права.

²⁾ Отрывки из его черного перевода см. у Барсова.

³⁾ Отрывки перевода: „История Государства Российскаго, т. III, СПб. 1816 г. гл. VII—Поэзия. Стр. 214—218. Примечания 262—272 (стр. 535—539). У Барсова несколько неточные указания для Карамзина (Барсов, т. I).

⁴⁾ Сочинений и переводы, издаваемые Российскою Академіею. Часть I (1805 г.) СПб. Стр. 23—234. (Перевод стр. 201—234). Перенесено с дополнениями в собраниях сочинений и переводов Адмирала Шипилова. Ч. VIII. СПб. 1826 г. стр. 1—149.

⁵⁾ Собр. Сочин. Изд. А. Маркса. СПб. 1902 г.

⁶⁾ Слово о полку Игоревѣ, въ переводѣ А. С. Пушкина. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. Москва 1863 г.

⁷⁾ Рус. Старина 1880 г. кн. V.

⁸⁾ „Введение въ науку стихотворства, или разсужденіе о началѣ поэзии вообще“. . . . СПб. 1811 г. стр. 96—113. Пользуюсь экземпляромъ, принадлежащим П. К. Симонию с карандашными пометками Березникова.

⁹⁾ Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода—Сѣверскаго, явивъ переложение Яковомъ Пожарскимъ съ присовокупленіемъ примѣчаній. СПб. 1819 г.

¹⁰⁾ Слово о полку Игоревомъ и судъ Любуши. Николая Граматина. (Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на Славянскомъ языкѣ прозою, и съ оной переложенная стихами древнѣйшаго Русскаго развѣра, съ присовокупленіемъ другою буквального предложена, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Изданныемъ издателя). Москва. 1828 г.

¹¹⁾ Опытъ о русскомъ стихосложеніи. Сочин. Александромъ Востоковымъ. Изд. 2-е значительно пополненное и исправленное. СПбург. 1817 г., стр. 159—161.